

Отечественная война и русское общество

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-82

О-82 Отечественная война и русское общество: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 323 с.

ISBN 978-5-458-07932-7

Историческая комиссия учебного отдела. О. Р. Т. З. Юбилейное издание.
1812-1912.

ISBN 978-5-458-07932-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

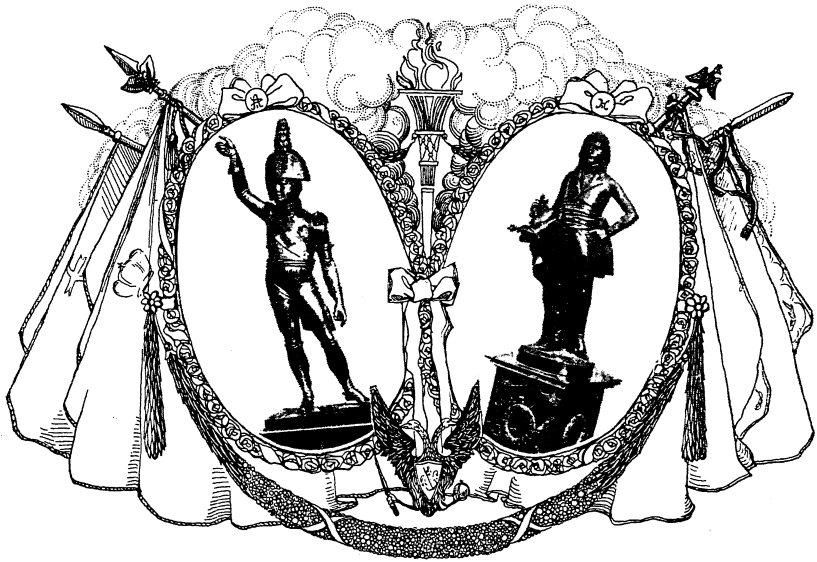
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Александръ.

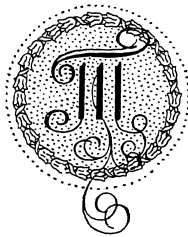
Наполеонъ.

== ПОСЛѢ ТИЛЬЗИТА. ==

III. Международная политика Россіи послѣ Тильзита.

Прив.-доц. В. И. Пячуга.

I.

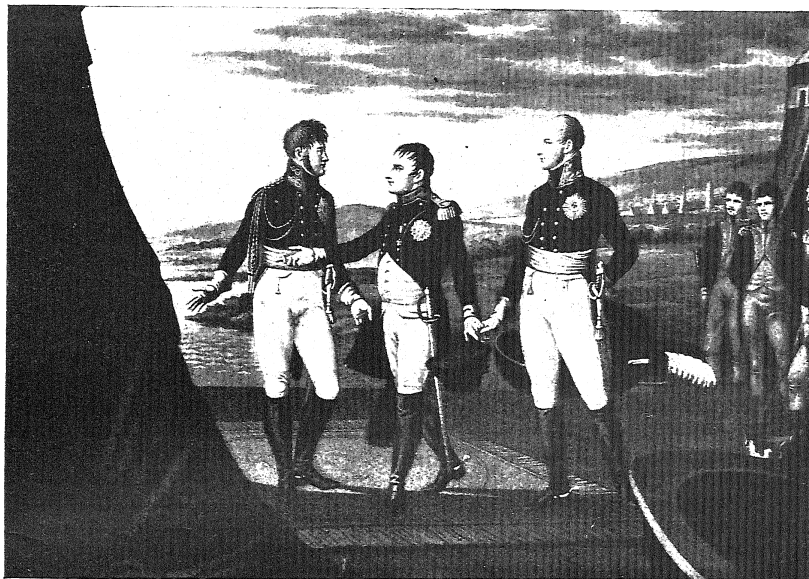
Тильзитскій миръ былъ второй блестящей побѣдой Наполеона надъ Александромъ, хотя былъ необходимъ столько же Франціи, сколько и Россіи. Прекращеніе войны съ Россіей давало Наполеону полную свободу для занятія европейскими дѣлами своихъ вассаловъ и проведенія въ жизнь континентальной системы. Тильзитскій союзный договоръ былъ почти дѣльшкомъ въ пользу Франціи. Правда, Россія получала незначительное территориальное расширеніе — Бѣлостокскую область, но зато она брала на себя такого рода обязательства, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами страны и тяжесть которыхъ должна была обнаружиться въ весьма недалекомъ будущемъ. Если оставить въ сторонѣ политическіе разговоры между обоими монархами, сулившіе Александру I широкія перспективы и несбыточныя надежды въ восточномъ вопросѣ, то союзъ съ Франціей

налагалъ на Россію только одни тяжелыя обязательства, не давая ей никакихъ преимуществъ. Помимо этого, правительству Александра I приходило ликвидировать союзныя отношенія съ Пруссіей, и признать дѣйствующей Кенигсбергскую конвенцію, столь унижительную для Пруссіи и Александра I, какъ наглядное доказательство неудачнаго исхода кампаніи 1807 г.

Среди статей союзнаго договора русскіе интересы непосредственно задывались статьями, трактовавшими объ Англіи и Пруссіи. Согласно 4 и 5 статьямъ, русское правительство было обязано предложить свое посредничество въ Лондонъ. Въ случаѣ отказа послѣдняго, въ чемъ Наполеонъ не сомнѣвался, Россія должна приступить къ континентальной системѣ и поудить къ тому же дворы: копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій. Наполеонъ, конечно, зналъ, что прекращеніе торговыхъ связей Швеціи съ Англіей грозитъ первой полнымъ экономическимъ разореніемъ, и что добровольно Швеція не присоединится къ системѣ. Только имѣя въ виду послѣднее, Наполеонъ предоставлялъ Россіи свободу дѣйствій въ Финляндіи, хотя отношенія Россіи съ Швеціей въ началѣ вѣка были настолько предупредительны и дружественны, что не могли допускать даже мысли о возможности разрыва между стокгольмскимъ и петербургскимъ дворами. Направляя Россію въ Швецію, Наполеонъ не только имѣлъ въ виду прекращеніе экономическихъ сношеній Швеціи съ Англіей, но, конечно, желалъ также отвлечь вниманіе русскаго правительства отъ европейскіхъ дѣлъ, хозанномъ которыхъ хотѣлъ остаться одинъ. Еще рѣзче противорѣчили интересамъ Россіи статьи договора относительно Турціи. Правительство Александра I не скрывало своихъ грезъ и виднѣй о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, и разговоръ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ только укрѣпилъ государя въ надеждѣ на реализацію такого рода фантастическихъ проектовъ. Конечно, бесѣды о Турціи—для Наполеона только ловкій дипломатическій шагъ, усыпившій Александра I и давшій возможность въ трактатѣ сказать не то, что говорилось въ личной бесѣдѣ съ глаза на глазъ. На дѣль помощь со стороны Россіи Франціи должна была свестись къ предложенію посредничества и только въ случаѣ неудачнаго исхода послѣдняго, Франція обязывалась дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Оттоманской имперіи. Такъ раздѣлъ отодвигался въ очень далекое будущее, и въ то же время неопредѣленность этой статьи и нѣкоторая неясность, что получить Россія въ случаѣ совершившагося раздѣла, давали Наполеону моральное право держать въ рукахъ Александра I, убаюкивая его сладостными обѣщаніями. И необходимость присоединенія къ континентальной системѣ и восточный вопросъ, столь неясно представленный въ трактатѣ, въ послѣдствіи стали источникомъ недоразумѣній между Россіей и Франціей,—источникомъ, отчасти повѣдшимъ къ разрыву дипломатическихъ сношеній и къ войнѣ 1812 года.

Александръ I только въ одномъ отношеніи могъ быть доволенъ Тильзитскимъ миромъ и Кенигсбергской конвенціей. Ему удалось отстоять самостоятельность Пруссіи и увеличить нѣсколько размѣръ владнѣй, отданныхъ обратно прусскому королю. Въ этомъ отношеніи Александръ I не покинулъ своего союзника. Съ другой стороны, образованіе Варшавскаго герцогства съ согласія обоихъ государей являлось гарантіей, что Польша не будетъ

возстановлена, и что Россіи нѣтъ нужды опасаться за ея польскія области. Такъ, Тильзитскій договоръ, имѣвшій характеръ компромисса и недоговоренности, долженъ былъ стать точкой отправления, какъ для дипломатическихъ переговоровъ между Россіей и Франціей, такъ и для направленія всей русской международной политики, поскольку весь ея нити находился въ Парижѣ, а не въ Петербургѣ. Вотъ почему послѣдній до тѣхъ поръ хотѣлъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Парижемъ, пока существовала надежда на возможность осуществленія съ помощью Франціи разнаго рода политическихъ мечтаній, даже при существованіи экономической политики, идущей въ разрѣзъ съ реальными, матеріальными нуждами страны.

Свиданіе въ Тильзитѣ (Вольфа).

Тильзитскій миръ былъ встрѣченъ въ обществѣ непривѣтливо. Правда, еще не успѣли сказаться его экономическія послѣдствія для крупно-помѣщичьяго дворянства и оптоваго купечества, но уже одно примиреніе съ Наполеономъ, казалось, ударомъ національному самолюбію. По заключеніи мира, правительство опубликовало манифестъ, въ которомъ говорилось о наступленіи «благословеннаго мира» и изъявлялось благоволеніе народу и войску, о самомъ же характерѣ мира почти ничего не было сказано, если не считать нѣсколько лирическихъ изліяній относительно расширенія и исправленія границъ. Русскому обществу Тильзитскій миръ казался національнымъ униженіемъ и измѣной союзникамъ. Не даромъ и русскіе политическіе

дбатели и прусскіе дипломаты находили поведеніе Александра «предательскимъ». Впрочемъ, не всѣ думали такъ, иные больше хладнокровно учитывали соотношеніе силъ и находили, что «Россія дбается ангеломъ-хранителемъ прусскаго короля, который въ императоръ находитъ себѣ спасителя и изъ его рукъ получаетъ снова большую часть «своихъ владній, которыя онъ самъ не умѣетъ сберечь и защитить». Уже одинъ отказъ разделить владнія прусскаго короля исключалъ всякую мысль о какомъ бы то ни было предательствѣ со стороны Александра I.

Недовольство миромъ сказывалось во всѣхъ слояхъ общества, и торжественныя молебствія и официальныя рѣчи духовенства не могли повернуть общественнаго мнѣнія въ другую сторону, больше благоприятную для правительства.

Александръ I, сейчасъ по возвращеніи домой, почувствовалъ перемену въ отношеніи къ нему столичной аристократіи. Въ отношеніяхъ послѣдней было много предупредительности, придворной выжливости, но зато отсутствовали довѣріе и чувства симпатіи къ государю. Холодомъ повывло въ столицѣ на сентиментальную душу монарха, въ особенности, когда его товарищи-члены Неофициальнаго Комитета открыто или тайно выражали свое неудовольствіе по поводу Тильзитскаго мира. При первой же встрѣчѣ съ государемъ Новосильцевъ попросилъ объ отставкѣ, указывая, что новая политическая система противна его убѣжденіямъ, а Наполеону извѣстны, говорилъ Новосильцевъ, «моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи — съдственно, покамышь я при васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность вашихъ чувствъ, а потому, чтобы упрочить довѣріе новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долже держать меня при себѣ, — вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно». Желаніе Новосильцева было исполнено. Скоро такая же участь постигла и Кочубея. И другія лица въ томъ или другомъ видѣ выражали свое неудовольствіе условіями заключеннаго мира. Эта ненависть къ Наполеону усилилась въ связи съ паденіемъ экспорта и вздорожаніемъ цѣны въслѣдствіе паденія цѣнности ассигнаціоннаго рубля. Впрочемъ, для помѣщиковъ, купцовъ и домовладѣльцевъ, какъ вѣрно указалъ Вигель, пониженіе курса не имѣло особенныхъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ ростъ цѣны вознаграждалъ за потери на курсъ ассигнаціоннаго рубля.

Итакъ, Тильзитскій миръ разбилъ англійско-дворянскую партію, но, конечно, не уничтожилъ ея: слишкомъ жизненно было ея существованіе. До поры, до времени она скрывала свое неудовольствіе, но пользовалась каждымъ поводомъ для его выраженія въ той или другой формѣ.

Кажется, императрица-мать являлась лидеромъ всей этой англійско-дворянской партіи. Не даромъ Елизавета Алексѣевна, слишкомъ осторожная въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ, съ несвойственной ей рѣзкостью порицаетъ поведеніе императрицы, которая вмѣсто того, «чтобы поддерживать и защищать интересы своего сына... дошла до того, что сталаходить на главу оппозиціи; всѣ недовольные, число которыхъ очень велико, околачиваются вокругъ нея, прославляютъ ее до небесъ... Не могу вамъ выразить, до какой степени это возмущаетъ меня». По словамъ шведскаго посланника Стединга, «неудовольствіе противъ императора все увеличивается... и императору со всѣхъ сторонъ угрожаетъ опасность.

Друзья государя въ отчаяніи. Государь упрямится, но не знаетъ настоящаго положенія дѣль. Въ обществѣ говорятъ открыто о перемѣнѣ правленія и необходимости передать престолъ по женской линіи—возвести на тронъ вел. кн. Екатерину...» Словомъ, въ представленіи посланника всѣ подданные отвернулись отъ государя. Сохраняла свое расположеніе лишь армія, но и въ ней царилъ большое недовольство, которое, конечно, приходилось учитывать въ той или другой степени. Армія была недовольна дѣйствіями главнокомандующаго Беннигсена и открыто заявляла о своемъ недовольствіи. Наконецъ предпочтеніе, отдаваемое Александромъ I иностранцамъ и большею частью не оправдываемое ихъ личными достоинствами и талантами, только увеличивало недовольство арміи. Къ тому же, многіе изъ иностранцевъ даже не знали русскаго языка и, конечно, не могли быть популярны среди солдатъ. И широкіе круги дворянства тоже были недовольны Александромъ I. Пусть паденіе ассигнацій нисколько не отразилось на матеріальномъ благосостояніи помѣщика; но ему зато грозила серьезная опасность лишиться части крестьянъ, отданныхъ въ милицію въ 1805—1806 гг. Когда образовывалась милиція, правительство объявило, что, послѣ окончанія войны, всѣ возвратятся домой. Въ дѣйствительности, послѣ Тильзита правительство имѣло намѣреніе оставить милиціонеровъ въ арміи, при ихъ частяхъ, чѣмъ и лишило дворянство необходимыхъ рабочихъ рукъ.

Заключивши миръ съ Наполеономъ, правительству приходилось ликвидировать кое-что изъ своихъ распоряженій въ связи съ войнами 1806—1807 г.: повельно было не читать въ церквахъ воззваніе Синода, въ которомъ Наполеонъ былъ названъ «антихристомъ», а затѣмъ пришлось принять рядъ цензурныхъ мѣръ для поднятія престижа Наполеона; только ими и можно объяснить, почему въ періодической печати преобладаетъ столь восторженное отношеніе къ Тильзитскому миру; рядомъ указовъ запрещалось употреблять слово «Бонапартъ», была сожжена «Тайная исторія французскаго новаго двора», запретили распространять вновь изданную книгу «Картина французской политики и короли Бонапартовой фабрики». А тѣ, кто хвалилъ Наполеона, удостоивались похвалы и поощренія. Конечно, по цензурнымъ соображеніямъ стало немислимо появленіе журнальныхъ статей, въ той или другой степени критиковавшихъ договоръ въ Тильзитѣ, такъ что по внѣшности все обстояло благополучно, и русская печать была за союзъ и договоръ. Правительство только не учло, какой цѣной достигнуто это молчаніе или сочувственное отношеніе къ трактату, столь рѣзко расходившемуся съ планами русскаго общества. Александръ I, конечно, зналъ о настроеніи общества, но политическое положеніе дѣль требовало сохраненія мира цѣною чего бы ни было. И только письмо го-

Ген. Савари (совр. грав.).

сударя къ вел. кн. Екатерины Павловны знакомить читателя съ настроеніемъ государя и даетъ возможность уловить его будущіе планы и мечты. «Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ (Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot), но лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній». Эти слова являлись какъ бы отвѣтомъ на распространенное мнѣніе, что въ Тильзитъ Наполеонъ обошелъ Александра.

Вполнѣ понятно, что новая международная комбинація требовала и новыхъ людей, болѣе или менѣе расположенныхъ къ франко-русскому союзу. Дѣйствительно, заядлаго пруссака и ненавистника Наполеона барона Будберга смѣнили покладистый графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, въ качествѣ руководителя Министерства Иностраннхъ Дѣлъ. Другіе государи замѣнили Сперанскій, открыто высказывавшій свою симпатію французскимъ учрежденіямъ. Военнымъ министромъ сталъ преданный государю Аракчеевъ. Такъ, опираясь на новыхъ сотрудниковъ, государь желалъ итти противъ течения и поддерживать союзъ, борясь съ англійской партіей въ лицѣ высшей аристократіи.

Наполеону и Александру теперь предстояла трудная задача — укрѣпить дружескія отношенія между державами, а съ другой стороны, разрѣшить стоявшія на очереди политическія задачи, въ частности, восточный вопросъ, разрѣшеніе котораго могло бы затянуться, если начнутся военныя дѣйствія между Швеціей и Россіей.

Для укрѣпленія дружбы, до назначенія полномочнаго посланника, въ Петербургъ былъ посланъ генералъ Савари. Не имѣя никакого официальнаго положенія, онъ въ то же время былъ снабженъ большими полномочіями и въ частной бесѣдѣ съ государемъ передавалъ ему весьма важныя дипломатическія новости. Посылая Савари въ Россію, Наполеонъ хотѣлъ, чтобы онъ поддерживалъ довѣріе Александра, а съ другой стороны, изучалъ бы настроеніе русскаго общества и боролся, если только представится какая-нибудь возможность, съ настроеніемъ общественныхъ круговъ, враждебныхъ франко-русскому союзу. «Старайтесь, — говорилъ Талейранъ Савари, — мало спрашивать, многое узнать». Савари былъ встрѣченъ Александромъ очень привѣтливо. Савари не сомнѣвается въ искренности этого пріема какъ и въ дѣйствительномъ расположеніи государя къ Наполеону, о которомъ Александръ всегда отзывался съ почтеніемъ и любовью. Савари слишкомъ много придавалъ значенія этой свѣтской ласковости. Видимо, его сразу увлекла та простота, та чарующая улыбка «прельстителя», противъ которой никто не могъ противостоять, но которая въ то же время скрывала настоящія чувства государя, его дѣйствительное настроеніе. Зато широкое отношеніе ожидало Савари со стороны императрицы-матери и русскаго дворянства. Чопорность и монотонность Гатчины рѣзко дисгармонировала съ простотой и неприужденностью молодого двора. Савари добился минутной ледяной аудіенціи у Маріи Феодоровны, по существу очень оскорбительной и для него самого и для императора французовъ. Ему дали понять, что съ нимъ не желаютъ имѣть дѣла. Такой же пріемъ встрѣтилъ Савари и въ высшемъ обществѣ, переселившемся въ загородныя дачи, гдѣ балы, спектакли, маскарады бывали чуть ли не ежедневно. Здѣсь свѣтская жизнь была ключомъ, и понятно желаніе Савари — стать завсегдатаемъ этихъ аристократическихъ

салонѣвъ. Здѣсь лучше онъ можетъ учесть настроеніе общества и довести объ этомъ до свѣдѣнія своего монарха. Но и тутъ Савари ждало глубокое разочарованіе. Передъ нимъ не открылись двери петербургскихъ салонѣвъ. Ему почти никто не отдалъ визита, русская аристократія не имѣла ни малѣйшаго желанія поддерживать какое бы то ни было общеніе съ иностранцемъ, къ тому же дѣйствіемъ революціи, принимавшемъ участіе въ убійствѣ герцога Англенскаго. Александру тяжело было такое отношеніе общества къ Савари. Онъ устраниваетъ у себя объѣды, приглашаетъ Савари и видныхъ представителей аристократіи, окружаетъ Савари изысканной нѣжностью, которая все-таки не могла смягчить того горькаго чувства, которое оставалось въ душѣ генерала послѣ такихъ объѣдовъ, гдѣ съ нимъ были только официально въжливы и гдѣ отъ него сторонились. Зато бесѣды съ государемъ стали постоянными. Съ глаза на глазъ государь могъ разсыпаться въ любезностяхъ по адресу Наполеона, стремясь тѣмъ самымъ смягчить недаскское отношеніе со стороны аристократіи. Правда, въ концѣ-концовъ, Савари стали принимать, но это было сдѣлано по личному настоянію Александра. Положеніе Савари оставалось попрежнему тяжелымъ, но возможность доступа въ салоны позволила ему лучше и ближе познакомиться съ настроеніемъ общества. Савари былъ недурной наблюдатель, и нѣкоторыя черты въ настроеніи общества подмѣчены имъ вѣрно. Савари указываетъ на отдаленность и враждебность общества къ трону. Для него вни всякаго сомнѣнія существованіе англійской партіи, враждебной Наполеону и Александру. Отъ него не скрылось то важное значеніе, которое играли русскія женщины въ салонахъ, и для поворота общественнаго мнѣнія слѣдовало бы сначала измѣнить чувства «красавицъ» по отношенію къ Франціи. Савари сблизается съ Нарышкиной, «предметомъ отдохновеній» государя, и черезъ нее даетъ государю совѣты, предостерегаетъ его отъ окружавшихъ лицъ. Онъ говоритъ о готовящемся покушеніи на государя, даетъ совѣты почистить министерства и удалить недовольныхъ. Александръ оставался глухъ къ совѣтамъ Савари. Его не страшили слухи о возможности переменъ династіи. Все равно они не могутъ измѣнить его политики, его плановъ. «Если эти господа имѣютъ намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ,—говорилъ Александръ Савари,—то пусть торопятся; но только они напрасно воображаютъ, что могутъ меня принудить къ уступчивости или обезславить. Я буду толкать Россію къ Франціи, насколько я въ состояніи это сдѣлать. Не судите объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я больше не нуждаюсь, къ тому же слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-

Ген. Вильсонъ (Госвей).

либо. Здесь недостает для этого ни ума, ни рѣшимости. Хуже тому, кто идетъ непрямѣе путемъ». Дипломатическія развѣдки Савари дали свои результаты — они сблизили оба двора и отчасти укрѣпили союзъ, несмотря на враждебное отношеніе къ нему общества. Но такое впечатлѣніе было чисто внѣшнее. На самомъ дѣлѣ, самъ Александръ I тяготился союзомъ, и сочувствіе ему было вызвано только обстоятельствами. Настоящее отношеніе Александра къ союзу больше всего сказалось въ выборѣ посланника. По желанію Наполеона, отвѣтственный постъ былъ предложенъ кн. Куракину, но послѣдній отказался и остался посломъ въ Вѣннѣ. Выборъ государя палъ на генерала Петра Александровича Толстого, убѣжденного противника франко-русскаго союза и совершенно неспособнаго къ тонкой дипломатической игрѣ. Толстому не хотѣлось ѣхать въ Парижъ, но, уступая просьбамъ государя, онъ согласился, такъ какъ государю, по его словамъ, былъ «нуженъ не дипломатъ, а храбрый честный воинъ, а эти качества принадлежать вамъ». Государь былъ правъ, разъ всѣ нити русской международной политики находились въ его рукахъ. Толстому была дана соответствующая инструкція, выясняющая основной характеръ русской внѣшней политики. Главными ея принципами остаются «начало справедливости, безкорыстіе и непреложная заботливость о сохраненіи союзниковъ». Затѣмъ, давая обзоръ отношеній и условій, приведшихъ къ миру съ Франціей, государь писалъ: «Я желаю поддерживать съ неослабнымъ вниманіемъ связи, установившіяся теперь между обѣими имперіями, даже стараться объ упроченіи ихъ при каждомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется нашихъ взаимныхъ выгодъ, и по возможности избѣгать всякаго повода къ непріятнымъ пререканіямъ, которыя могли бы нарушить доброе согласіе, столь счастливымъ образомъ между нами возстановленное. Вотъ, по моему мнѣнію, самыя лучшія средства, чтобы обоюднo достигнуть цѣли и извлечь пользу изъ возстановленія сношеній Россіи съ Франціей». Если по отношенію къ Франціи рекомендовалось поддерживать дружескія отношенія, то это было собственно выполнимо при условіи выполненія двухъ требованій Россіи: эвакуаціи Пруссіи французской арміей и расширенія русской границы до Дуная. Только при этомъ условіи молодой союзъ могъ окрѣпнуть. Толстой правильно понялъ и скрытыя враждебныя чувства Александра и свою роль защитника Пруссіи, считая ея возрожденіе однимъ изъ условій ослабленія вліянія Наполеона въ Европѣ, и съ этой точки зрѣнія относился къ Наполеону и его правительству. Приходилось подумать и о замѣнѣ Савари болѣе подходящимъ для общества человекомъ. Выборъ палъ на Коленкура. Нельзя не признать выборъ удачнымъ. Принадлежа по рожденію къ старой аристократіи, отличаясь безусловно изысканнымъ внѣшнимъ обращеніемъ, новый посолъ имѣлъ всѣ данныя для успѣха въ обществѣ. Большія средства, данныя ему въ его распоряженіе Наполеономъ, позволили ему устраивать балы и праздники, поражая воображеніе роскошью и привлекая къ нему сердца аристократіи. Коленкуръ долженъ былъ общественное мнѣніе направить въ сторону Франціи, хотя въ возможности послѣдняго сомнѣвался Савари при условіи существованія континентальной системы, такъ какъ купечество и дворянство обязано Англии своимъ состояніемъ. Къ тому же Англія поставляетъ необходимые жизненные предметы, замѣнить.

которые Франція не въ состояши благодаря слабому въ ней развитію промышленности. Вотъ почему Савари пессимистически смотритъ на возможность поворота общественнаго мнѣнія въ сторону Франціи. Пока Савари былъ въ Петербургѣ, Россія предложила Англіи свое посредничество, которое, конечно, было отклонено. И какъ бы предупреждая дѣйствія союзниковъ, желавшихъ силою принудить Данію приступить къ континентальной системѣ, англійское правительство отдало приказъ своему флоту бомбардировать Копенгагенъ и захватить датскій флотъ. Это была крупная неудача Наполеона, однако сумѣвшего въ столь критическій для него моментъ проявить необходимое хладнокровіе и выдержку. Въ отвѣтъ на бомбардировку Копенгагена, Наполеонъ побуждаетъ Россію исполнить условія мира и отозвать посла. Россія пришлось уступить. 25 октября (6 н.) 1807 г. разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей сталъ фактомъ. Тогда англичане около Лиссабона напали на русскій флотъ подъ начальствомъ Сенявина и принудили его къ очень почетной капитуляціи. Морскіе пути Англія удержала въ своихъ рукахъ. Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей первоначально не отразился на положеніи англійскаго посла въ столицѣ. Вильсонъ попрежнему былъ принятъ государемъ и неоднократно объѣдалъ съ нимъ. Его принимали съ восторгомъ въ салонахъ, гдѣ слушали его язвительныя рѣчи по адресу Наполеона и Савари. Александръ какъ бы игралъ на два фронта; не желая нарушать союзнаго трактата, онъ въ то же время превеличешной шпкостью хотѣлъ смилчать разрывъ съ Англіей.

Такое закрываніе съ Англіей вскорѣ прекратилось, и не безъ настоянія Румянцева, требовавшаго устойчиваго курса политики. Румянцевъ былъ сторонникомъ восточной политики Россіи. Въ этомъ отношеніи союзъ съ Франціей могъ быть, по его мнѣнію, очень благоприятенъ для Россіи, стоило только использовать его въ надлежащей мѣрѣ. Съ помощью Франціи восточный вопросъ можно было рѣшить, безъ участія Австріи, въ пользу Россіи. Такое направленіе внешней политики Россіи и рѣшило судьбу Вильсона, позволившаго себѣ рѣзкія выраженія объ императорѣ и его политикѣ да къ тому же раздавшаго по гостиницкѣ брошюру «Размышленія о Тильзитскомъ мирѣ», написанную очень рѣзко и, конечно, порицавшую Александра и его политику. Высылка Вильсона доставила большое удовольствіе Савари и Наполеону, по послѣдняго вскорѣ ожидалъ нѣсколько неожиданный сюрпризъ.

Арманъ-Луи де-Колонкуръ (Жерара).

Александръ основывалъ свои отношенія къ Наполеону не только на письменныхъ условіяхъ трактата, но и на тѣхъ разговорахъ, которые происходили наединѣ и которые гораздо больше сулили Россіи, чѣмъ письменный трактатъ. Александръ формально предложилъ Наполеону, чтобы Молдавія и Валахія, независимо отъ дальнѣйшей судьбы Османской имперіи, были присоединены къ Россіи. Это требованіе шло въ разрѣзъ съ статьями Тильзитскаго договора, но зато определенно указывало, въ какомъ направленіи пойдетъ политика Александра. И, дѣйствительно, вопросъ о княжествахъ отнынѣ сталъ центромъ дипломатическихъ разговоровъ между Россіей и Франціей и источникомъ возникавшихъ недоразумѣній, охлаждавшихъ дружественныя отношенія державъ.

Наполеоновская точка зрѣнія на восточный вопросъ была совсемъ другая. Онъ предполагалъ держаться статей Тильзитскаго договора, какъ больше выгодныхъ для Франціи. Онъ предложилъ свое посредничество, но результаты его окончились ничѣмъ. Александръ отказался ратифицировать перемиріе, не желалъ выводить войска изъ княжествъ. Положеніе Наполеона было очень затруднительное: уступая Россіи, онъ укрѣпляетъ едланное въ Тильзитѣ; соглашаясь на раздѣлъ Турціи, онъ идетъ въ разрѣзъ съ данными въ Константинополь обѣщаніями, подрываетъ тамъ свое вліяніе и усиливаетъ значеніе своей соперницы Англіи. Постепенно у него является планъ потребовать и для себя компенсаціи за присоединеніе княжествъ. Таковой должна удовлетворить Пруссія, отъ которой отбирается Силезія. Наполеонъ прекрасно понималъ, что на такого рода сдѣлку Александръ никогда не дастъ своего согласія, чѣмъ и будетъ сохранена неприкосновенность турецкой территоріи, такъ какъ тѣмъ самымъ отсрочивается вопросъ о присоединеніи княжествъ. Предположенія Наполеона были сообщены Толстому, не замедлившему переслать ихъ въ Петербургъ. Новыя требованія Наполеона смущали Александра, прекрасно понимавшаго дипломатическій шагъ Наполеона. Въ бесѣдѣ съ Коленикуромъ Александромъ было высказано мнѣніе, что «никогда не было и рѣчи о предназначеніи Пруссіи служить вознагражденіемъ за турецкія дѣла», давая тѣмъ самымъ понять, что написанный трактатъ таковыхъ статей не имѣлъ и что онъ идетъ въ разрѣзъ съ прусскими симпатіями Александра. Этимъ разговоромъ вопросъ о княжествахъ не былъ оконченъ. Государь неоднократно къ нему возвращался. Наполеонъ, по обыкновенію, уклонялся въ сторону отъ положительнаго отвѣта и въ отвѣтъ на конкретное предложеніе, и притомъ вполне осуществимое предложеніе Россіи выдвигалъ заманчивые, но фантастическіе проекты раздѣла Турціи, несомнѣнно, убаюкивавшіе своими сладостными результатами Александра I. Словомъ, изъ-за княжествъ между союзниками наступило охлажденіе, почувствовалось скрытое недовѣріе, которое только усиливала неудачная дипломатическая дѣятельность графа Толстого, видѣвшаго въ Тильзитской системѣ гибель Россіи и отнюдь не желавшаго смягчать напряженность создавшихся отношеній между Россіей и Франціей.

Посоль открыто агитировалъ противъ Наполеона, уклонялся отъ посѣщеній собраній, на которыхъ присутствовалъ императоръ, но зато бывалъ частымъ гостемъ въ салонахъ Сень-Жермена, центръ оппозиціи противъ Наполеона.